

ВЛАДИМИР
ХОЛОДОК

ГОЛЫЕ ТЕТЕНЬКИ

Худ. А. Н. Лопатников

Владимир Холодок

Голые тетеньки (сборник)

Текст предоставлен издательством "Издательство Книжки"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4997087

Аннотация

Девушки, женщины, тётеньки, бабушки – все они являются главными героинями большинства рассказов автора.

Иногда его поражает их неземная красота, иногда – нездешний ум, иногда – космические возможности. Но всегда – это весело, образно, необычно и неожиданно. Как будто счастье вот-вот нагрянет из-за угла и унесёт вас в денежном потоке в неведомую даль.

Содержание

Сукин сын, интернет!	4
Узники зимней сказки	6
По грибы	10
Титаник	15
Русская рулетка	19
Клава – наш президент!	24
Яичко	28
Принц и Ницше	36
Дневник Маши Ницше, ученицы 5 «б» класса.	36
Дневник Толика Принца, ученика 6 «б» класса	39
Послесловие	42
Уголок капитализма	43
Полено заколдованное	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Холодок

Голые тётеньки

(Смешные рассказы)

Сукин сын, интернет!

(От автора)

Давно это было, когда книги были еще деревьями. Когда Сыктывкарский ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат) не справлялся с армией заказчиков, и бумага поставлялась только избранным. Когда моя платежка за вагон бумаги шла в Сыктывкар почтой целую неделю. А потом еще неделю вагон комплектовался и загружался. И еще неделю он шел до адресата. Но зато какое это было счастье, когда бумага стояла уже на складе. Огромные рулоны по полтонны каждый стояли друг на друге и пахли белым снегом и лесом. Мы гладили их руками и постукивали по бокам. На огромном холодном складе, как в Антарктиде, вдоль стен стояли торосы, глыбы и айсберги рулонной бумаги с надписями издательств. Издатели хорошо знали, как эти тонны белой бумаги превращаются в центнеры разноцветных денежных купюр.

Но не легким и не быстрым был этот путь от бумаги до

денежки. Загрузка, подвозка, разгрузка, заправка, приправка... Будущая книжная страничка медленно заползала в типографскую машину, чтобы начать наматывать в ней километры американских горок. Чтобы насытиться, наконец, ароматной типографской краской всех цветов и превратиться в роскошную иллюстрацию в виде загорелой девушки под пальмами. Пусть даже слегка беременной. И, если девушка уже попала в «переплет», то иллюстрации до переплета было еще далеко. Постучат еще по ней разные станки и механизмы в печатном, обрезном, брошюровочном, переплетном и упаковочном цехах. И пока книжка с этой иллюстрацией дойдет до рук покупателя, реальная девушка уже, может, и в ясли поведет малыша.

Другое дело – Интернет, сукин сын! Гад, развратник, разлучник и конченный негодяй. Но до чего умен и прекрасен! Щелкнул пальчиком, и беременная девушка – на вашем рабочем столе. И не надо ночью ехать в степь, и спасать съехавший с дороги в сугроб КАМАЗ с вашей бумагой.

Вот с такими мыслями я переводил свои бумажные книги в электронный вид. Вот в таких легких муках рождался этот сборник рассказов «Голые тетеньки».

Узники зимней сказки

Как хорошо встречать Новый год на даче с любимой женщиной. Если она есть, конечно, дача.

Сначала надо затопить баньку. Ну и что, что дров нет. У соседа – три куба. Он и не заметит, если взять пару кубов.

И вот уже банька курит в небо, а с неба – снег. Он такой густой и пушистый, что туалета не видно. Приходится ходить туда по компасу. А когда идешь, все время сбиваешься с курса. Потому что компасы наши показывают не на север, а на винный магазин. А вот и туалет, в пределах видимости, на расстоянии вытянутой руки. Открываешь дверь... а там уже кто-то есть. Ну, конечно, это она, моя любимая. Ей не хочется нарушать эту божественную тишину криками “занято”. Она шла без приборов, но пришла первой. Вот что значит женское чутье. У них же не нос, а прибор ночного нюхания.

Накрываем на стол под музыку Аллы Пугачевой. Песня о настоящем полковнике. Самая лучшая строчка в песне: “... давит грудь подполковник”.

А моя любимая шинкует лук. Я вижу в ее глубоких глазах слезинку. Говорю ей, не плач, родная, все будет хорошо. А она отвечает, ага, хорошо, поработал бы с луком. И я, конечно, шинкую сам. И плачу, и плачу.

Стол готов. Мы выходим на улицу, а там уже гости –

две бездомные собачки. Угощаем их роскошным ужином. И молча завидуем им. А чего им? Зарплату не надо, одежду не нужно, кто прошел в Думу – неважно. Даже на выборы президента они не выставят свои кандидатуры.

Но пора и по “первой”. Ставим на плечи камина свечи, выключаем свет. Я произношу тост:

– Дорогая, ты хочешь похудеть, поэтому от всего сердца желаю тебе пренеприятного аппетита.

А вот сейчас можно и в баньку. Полстакана пива – на каменку, и дух поплыл хлебный, будто лежишь во ржи и ржешь от удовольствия. А моя любимая не промах. От жара она надела на руки варежки, а на груди – валенки. И шпарит себя веником в тумане пара голубом. А валенки бьются, бьются, нагоняя на меня горячую волну.

А из баньки – ба-бах! – в снег, и он тут же закипает. А ты крупными саженками плывешь по нему, а в глубине под снегом медленно проплывают грядки с клубникой, луком и – оп-па! – куст крыжовника. Вцепился, как осьминог, и щекочет.

Влетаешь обратно в баньку, и непонятно от чего кожа горит, то ли от жара, то ли от снега, то ли от крыжовника сотни иголочек впиваются в тело со всех сторон. А любимая тоже хочет в снег, но не может снять валенки.

Она просит, сними с меня обувь. И я помогаю ей, с трудом, с третьего раза. Она тут же русалкой ныряет в снежную пучину.

После баньки – шампанское! Холодненькое! За Новый год по Екатеринбургу. Конечно, можно начать с Владивостока, но тогда до Москвы не дотянуть. А за Новый год по Москве – отдельный тост, из трех бокалов. И далее со всеми остановками до Риги, и по Гринвичу, и – за океан. И на каждой остановке – друзья, родные и близкие люди. И они тоже поднимут тост по Москве. И идет эта волна тепла от Тихого океана по всей России, катится, переливается улыбками, снегом и смехом.

И уже забыты все невзгоды. И хочется любить.

В эту ночь любят даже олигархов. Хотя, конечно, меньше, чем хана Батыя.

И любимых женщин любят... Да, кстати, а где она, моя любимая?

А она в кресле у камина свернулась калачиком... нет, калачом... сдобным и спит. И что-то шепчет во сне. Наверное, про меня. Прислушиваюсь, шепчет:

– Блин, вот, блин, ну почему, блин, первый блин – комом, блин, всегда, блин.

Во блин! Про меня, блин. Разбежался, блин. Она же блинчики сегодня делала, устала. В праздники они устают. Почему-то.

Утро. На стеклах от морозца диковинные цветы, деревья, зверушки. Зимняя сказка. Я пальцем потрогал одну зверушку, она убежала. Бывает. Хотел дерево потрогать, но передумал. Я – без каски.

Но пора и в город. А как в город, если из-под снега машину не видно?

А что, собственно? Шампанское есть. Блинчики есть. Зверушки есть... просят. Значит, остаемся! Это же прекрасно – узники зимней сказки!

А завтра приедут трактора с нормальными трактористами и расчистят нам дорогу к нормальной жизни.

А сейчас – шампанского!

За любимых!

За зимнюю сказку!

По грибы

Иду я как-то по лесу с сачком ловить... эти... грибы. Почему с сачком? Ну, а как его голыми руками поймашь? Они же прыгают. И вот иду и вижу на поляне – огромный белый гриб. Ростом мне по самые по... ягодицы. Я к нему подкрался... сзади. К нему можно только сзади. Потому, что если спереди, он же увидит. Сачок над ним занес... а он как – прыгнет. Обычно было – от меня. А этот – на меня. Прямо на грудь. С ног меня сбил и давит. Я даже удивился. Белые грибы, они же не хищники, они на человека не нападают. Да они вообще не кусачие. Мухоморы – да! Это хищники, эти могут. А тут – белый.

Я ему говорю:

– Ты чего такой активный?

Он говорит:

– Я – радиоактивный.

– Ну, так бы и сказал, что больной. Да еще без шляпы.

Он – хлоп рукой по голове, нет шляпы. Я – хлоп по своей – нет шляпы. И тут – ветер. Типа торнадо. Поднял наши шляпы и понес. Мы – за ними. И через пару километров упали они во двор особняка. Мы сразу – к часовому. А он автоматом лязгнул:

– Стой! Стрелять буду. Частная собственность. Охраняется государством.

Мы отошли. А шляпу жалко. Клавин подарок. А грибу и того хуже. Над ним без шляпы хохотать будут все самки.

Я ему говорю:

– Вот влипли. Тебя хоть как зовут-то?

– Глеб.

– Ну вот, и меня тоже, Федя.

Дачу изучили – бастион. Крепость. Говорят, тюрем не хватает. А это чем не тюрьма? Колючая проволока. Железобетонный забор. В окнах решетки. И главное, хозяин в ней уже сидит. Ловить не надо.

Я говорю Глебу:

– Слушай, гриб.

– Не гриб, а Глеб.

– Ладно, гриб, понял – Глеб. Ты здесь постой, в землю вкопайся и работай под гриб, Глеб, блин, но без шляпки. Понял?

А я сам обошел вокруг дома и по доске на забор залез. Вижу, лежат наши шляпы на лужайке. Решил пальчиком колючку на проволоке потрогать. Потрогал. В глазах – молния! Очнулся на земле. Проволока под током. Указательный пальчик стал у меня короче мизинчика. И подгорел прилично. До локтя.

Ладно, думаю, полез на березу. А она в наклон над забором. Повыше залез, вижу – гнездо на березе. Из гнезда голова выглядывает, человеческая.

Я говорю:

– Ты кто?

– Я снайпер. Тебя поближе подпускаю, чтоб не промазать.

И дуло карабина ткнул мне в нос. И главное, целится тщательно. Через оптический прицел размером с трехлитровую банку. Из банки его глаз мне в глаз смотрит. Я говорю:

– Все равно промажешь. Целишься мне в глаз, а попадешь в нос. Пусти лучше шляпы забрать.

Чудом его уговорил. С дерева я спрыгнул и по-пластунски ползу к шляпам. И вдруг вижу, навстречу мне тоже ползет вот такая собачья морда. Сенбернар. Подползли. Думаю, подкормлю собачку. От шляпы гриба отломил кусочек, бросил ему. Он съел. Смотрит. Я – еще. Короче, всю шляпу моего Глеба съел. Килограммов пять. А мою не отдает, зубами вцепился. А потом рванул и в дом убежал. Я – за ним. Бегали мы по каким-то залам, бассейнам, винным погребам, спорт-залам. А поймали меня на веранде. Или ротонде. Или солярии. Короче, хозяин так и сказал:

– О, дорогой гость! Без приглашения пришел, а живой остался. Надо отметить.

И за стол меня пригласил. Я ему – про шляпу, а он говорит:

– Вы не волнуйтесь, она вам больше не понадобится. Лучше выпьем за ваше счастье.

Только я бокал с вином поднял, рядом в леске взрыв раздался.

Хозяин говорит:

– Люди у нас чудные, особенно грибники. В лесу ясно написано: “Мины”, а они идут.

Я подумал, пора сматываться. Хозяина поблагодарил, шляпу забрал, к выходу дернулся, а навстречу – автоматчик. С пистолетом. Вывел он меня из ворот, я говорю, куда мы идем? Он:

– Как обычно, на расстрел.

И тут из-за дерева выскакивает мой гриб Глеб и прыгает на автоматчика, как собака. Тот, как увидел, что прыгнул гриб, да еще без шляпы, да еще такой разъяренный, закричал, сдаюсь!

Пришли мы с Глебом на поляну, где он рос, воспитывался, мужал. Я говорю:

– Прости, Глеб, что был груб, но я тебе – гриб по гроб.

Он говорит:

– А где шляпа?

– Съели шляпу. Да новая у тебя отрастет. А пока возьми мою, поноси.

Надел я на него свою шляпу. Смотрю, красавец. Вылитый я. Говорю ему:

– Слушай, если ты так на людей кидаешься, пойдём ко мне на дачу сторожем.

– А что Грэта скажет?

– Кто такая?

– Жена. Вон она, в кустах стоит.

Выходит Грэта. С бадажком. Ростом – мне до колена. Па-

лочкой на меня замахнулась. Я отскочил, как гриб. Она ругается:

– Опять с бомжами связался (это про меня)! Шатаешься по лесу! И шляпу потерял. А ну дыхни.

Он ей говорит:

– Да ладно, Грэта, я работу нашел.

– А как же Гриша и Груша? Они же еще не ходят.

Короче, забрал я их детей в лукошко и всех перевел на дачу. А нас бомжи одолели. Лазят по дачам, как крысы. А сейчас – красота. Ну, стоят два гриба у ворот. Бомж заходит. Глеб шляпу перед ним снимает, кланяется. Пока бомж с открытым ртом стоит, Грэта ему палочкой по ногам – чик! Бомж падает. А тут Глеб подскакивает и – раз! – ему по шее. И бомж бежит раз и навсегда.

А когда я приезжаю, они на полянке валяются, загорают. Катаются по траве. Дети у них уже первое слово сказали: "Граб". Это дерево такое. Они под ним родились. Они думают, что граб. И говорят: "граб, граб". На самом деле – осина.

А Глеб и подружек своих переманил на дачу. Белых подружек со всего леса. Но они не говорят. Стоят и молчат. Их можно употреблять в пищу.

Вот так и живем.

Получается, что хорошего человека сейчас можно встретить только среди грибов, да и то радиоактивных.

Титаник

(Юбилею дефолта посвящается)

Титаник... Я посмотрел (крестится). Позавидовал! Красиво люди жили! По-богатому. Порадовался за них. А катастрофа – так себе. Скучновато. По их меркам, может, это и катастрофа, а по нашим – обычные серые будни.

Но вот чертовщина, после фильма все и началось. Получаю я письмо. Правительственное! Пишут: “Поздравляем Вас с присвоением Вам почетного звания “Трижды ограбленный России”.

Но позвольте! Почему “трижды”?.. По моим подсчетам, всего “дважды”. Нет, если считать, что грабили меня ежедневно и все, кому не лень, то это одно. Тут и жулики... и налоговая... и жена... и любовница... и дети. А если считать, когда грабили по-настоящему, по-государственному, до самого конца, то я считал – всего “дважды”. А они пишут “трижды”. Конечно, им там наверху виднее. Но я все-таки решил сходить в банк, уточнить. Глянул на календарь – 17 августа. Пришел. Увидел. Уточнил. Плакали денежки. И толпа. И я прослезился. Но не из-за денег! А от гордости! За государство! Впервые оно мне сказала правду: “Трижды, а не дважды”. И главное, сообщили вовремя. Когда денег из банка уже не взять.

Я проникся и сел за ответ.

“Дорогое правительство! РэФе! Благодарю за мое очередное звание “Трижды ограбленный”. Хочу уточнить, не полагаются ли мне за это определенные льготы?”

Приходит ответ:

“Да, звание это очередное, и дай вам бог, не последнее. А льготы предусмотрены. А именно: цены будут выше, зато зарплата меньше”.

Пишу им опять:

“Ладно, согласен. Но почему мне к этому званию не выдали значок?”

И что вы думаете? Приходит здоровенная посылка. В описи ценностей написано: значок. Доплатил я за лишний вес и вскрыл. Значок в форме булыжника. Обвязанный веревкой. На камне высечено: “Трижды”... Ну в общем, звание. Приложена инструкция по эксплуатации значка: где носить – на шее, когда носить – когда тяжело.

Первое время было не тяжело. Ну денег нет – картошка есть. Я ее у соседа по участку выкопал. Своевременно, т. е. пораньше. И водка в цене пока держится. Пусть даже из последних сил. Правда, купить ее не на что. Зато сосед банкир есть, Николаич. Занять можно.

Потом стало похуже. Картошка кончилась... Но известка на стенах еще осталась! Кальций же, витамины.

Но тут банкир впервые отказал. Не дал займы!

Наступило самое страшное – трезвость! Начал я на зна-

чок поглядывать. Но Лизавету жалко. Она вторую неделю на диване лежит, не движется. Калории экономит. Исхудала! Осталось в ней всего-то килограммов... сто. Ну чуть больше.

Да нет, думаю, пора! Надел значок на шею – и в парк, на водоемчик. Гляжу, а там на крутом бережке уже Николаич сидит, банкир. Тоже со значком. Но у него значок побольше. Весом с пуд и надпись: “четырежды”. Он постарше меня.

Я говорю, давай закурим перед стартом. Он говорит, все кончилось. И жизнь тоже. Стрельнули мы у старичка. Он сам подошел. Тоже со значком. Причем, значок больше, чем старичок.

Закурили. Сидим. Три Муму. Николаич говорит:

– А у меня сегодня праздник. Моему банку ровно десять лет. Было бы. А старичок добавил:

– И у меня праздник. Мне ровно сто лет. Было бы.

А я говорю:

– И у меня праздник. Давно на речке не отдыхал.

В общем, на счет “три” мы бросились в водоемчик одновременно. С крутого бережка. Я воздуху побольше взял. Думаю, поживу еще пару минут под водой. Помечтаю без суеты. Лежу на дне, как Горький какой-нибудь, жизнь вспоминаю. Вроде жил долго, а на память пришли только три фамилии: Гайдар, Чубайс и Гитлер. Из зарубежных стран вспомнился Китай. Их полтора миллиарда!.. китайцев. А нас 150 миллионов... человек! И такие ребята тонут! А те живут. Правда, и Черномырдина вспомнил. Только он знает выход из кризиса.

Потому что только он знает вход.

Рыбки в нос тыкаться начали. Щекотно. Я глаза открыл – Николаич рядом лежит. Молчит, как рыба. Интересно, о чем он мечтает? Наверное, о деньгах. Смотрю, задержался Николаич. Пузыри пустил. Первые. Может, ему надо чего? Может, пить хочет?

И тут меня вытаскивает из воды какая-то сволочь. Ну конечно, Лизавета моя. Весь праздник испортила.

А Николаич вредный оказался. Вытащим его – он обратно в воду. Три раза. Во-как увлекся.

Потом стали старичка по дну шарить. Нет старичка. Ни значка, ни старичка. Как в воду канул. А он с крутого бережка:

– Здесь я. Не взлетел я со значком. Уж не та подъемная сила. А вас сторожил, чтоб не всплыли.

Лизавета отчитала его:

– С разбегу надо было. Со значком.

И добавила резко, по-ленински:

– Дураки! Вас ограбили, и вы ограбьте.

... Гениально! Опять по кругу?..

Маэстро! “Марш утопленников”!

Старичок впереди встал, а мы за ним.

“Вставай, проклятем заклеяменный, весь мир голодных и рабов!”

Русская рулетка

Какой русский не любит... русской рулетки! Да никакой не любит, а приходится. Сейчас выйдешь за хлебом и не знаешь, вернешься ли? Пенсию принесут, через пять минут снова стучатся:

– Кто там? – спрашиваю.

– Мы пенсию принесли.

– Да получила я только что.

– А раз получила, дак тем более открывай.

Всю жизнь в эту рулетку играем, не замечаем даже. Вот мой дед, белый офицер был, он чуть что – сразу за револьвер! Вставит в шестизарядный барабан пять патронов и – к виску! На курок – чик! И всегда – в пустую дырку... А если в патрон, то... осечка... А если выстрел, то... пуля в стволе застревала... А если вылетала, то до виска не долетала. А если долетала, то мимо. Любил судьбу испытать, адреналинчику впрыснуть. А адреналинчик-то, он – о! – жизни прибавляет. Дед до сих пор в Париже живет, тренируется. Я, видать, в него. Не могу без адреналинчику. Только кто его сейчас в меня, старушку, впрыснет? Где желающие? Вот и приходится самой... идти. Куды? А по грибы. У, это целый ритуал! Перед входом в лес я раздеваюсь. До купальника. Чтобы клещам доступней быть. А в чем азарт? Из десяти клещей один энцефалитный обязательно! И вот, глядишь, он ползет

по ручке-то, старается, ищет, где кожа-то поглаже. А я его направляю пальчиком, вот сюды ползи, на запястье. Он как укусит, да вопьется, да кровушки насосется, ну... туды ему и дорога. А некоторые выживают. Я их обратно в лес отпускаю. Жалко же. Живая природа.

Про грибы не забываю. В лукошко кладу пять поганок и один боровик. Как дед: пять из шести. Дома все пожарила, поела. Если утром проснулась, значит, осечка. И так каждый год раз в году судьбу испытываю. А в ентом-то году, думаю, хватит. Пойду насобираю одних боровиков, побольше, покушаю без риска. Может, приглашу кого. И не вытерпела!.. На опушке его увидела. Мухомор!.. Красавец!.. Срезала. И дома опять – все зажарила, перемешала.

И тут Зинка заходит – фельдшерица.

– У, Прасковья, так грибочков хочется, и – хлоп, ложкой со сковороды кусок съела.

Потом Федор зашел за ножовкой. К грибам категорически потребовал водки. Потом Тигран Петросян... ветврач... И к вечеру я 24 человека насчитала.

Ну че? – деревня. Все ить, как родные. У кого пьянка – все туда.

А я сию сама не своя. Ну что я им сейчас скажу? Остановитесь! Все отравлено! А они уже все по куску съели. И по стакану выпили. Тут, кто и добрый кусок съел, умрет с перепугу-то. И решила я, будь, что будет. Так у меня муж говорил, Никита. Который он по счету-то?.. Вроде третий.

Да они все у меня отчаянные были. Как я. Только первых двух не помню. Че-то как-то они мало пожили... рано ушли. А Никита сумасшедший был. В грозу выбежит из дома, за электрический столб схватится и ждет, когда молния шанда-рахнет. И шандарохнуло. Столб внизу, как пилой срезало. А Никита столб удержал. И электриков дождался. Правда, черный ходил долго. Его все негры спрашивали, вы не из Кении? От них он про комара-то узнал. Что есть там такой комар – укусит, и у человека начинается лихорадка е-бола... или ебола... или ебола. Короче, смертельная. Деревни выкашивает. И загорелся он! Хочу, говорит, в глаза тому комару посмотреть, испытать себя по-настоящему. Друзья-негры устроили ему поездку. Вернулся – весь комарами покусанный, живого места нет. Чешется. А Зинка – фельдшерица дала ему таблетку от чесотки. Я утром встаю, а он тихо так лежит, не чешется даже! Помогла, видать, таблетка.

...Да нет, он не умер. Зинка ему снотворного дала, перепутала. Он через два дня проснулся. Как раз во время своих похорон. Аккурат крышку гроба начали заколачивать – разбудили мужика. Он изнутри сказал:

– Войдите!..

Мужики молотки подняли, прислушиваются. Думают, показалось. Давай снова колотить. Тут Никита не выдержал, заорал:

– Да не стучи ты, дурак! Говорю, заходи...

Он и сейчас жив. Живет. А че ему? Правда, вместо пас-

порта у него это – справка о смерти. Когда паспорта меняли, ему новую справку выдали. С фотографией. В гробу. Не прискребешься. А удобный докУмент, ни тюрьмы, ни сумы, ни налогов.

Он уже с этой справкой жил, когда свою голову крокодилу-то в пасть всунул. Индеец какой-то привез крокодильский цирк. И главное, сам индеец свою башку крокодилу в рот всунул всего на секунду. И тут же высунул. Крокодил зубами ему только по уху чакнул. И индеец этот говорит, мол, кто так может? А сам стоит уже без уха. Не рассчитывал он, что кто-то осмелится. А Никита взял да и выбежал. А че ему? Справка-то уже есть. Ну, крокодилу пасть раздвинули домкратом, Никита голову туда всунул, домкрат убрали, а крокодил пасть свою еще шире открыл. От удивления. Никита, видно, в пасть-то ему дыхнул. А такое не каждый крокодил выдержит. Зверь-то давай морщиться, слезиться, ну и чихнул. И убежал в угол клетки, и хвост поджал, дрожит весь. И Никиту сразу в цирк и взяли. Ездит где-то. А этот индеец-мексиканец у нас живет. Картошку садит. У него фамилия такая, исконно русская: Хулиус Маргулиус...

Я к тому, что на мухомор-то мой он тоже пришел. Сидит ест, картошку вилкой отодвигает, ест одни грибы. И говорит: – Нет, у нас в Мексике лучше, у нас вместо грибов – кактусы.

А у меня на подоконнике кактус. Я ему подаю и говорю, ну, на, пососи. Он говорит, нет, текила. Это водка у них из

кактусов. Я кактус в стакан с водкой выжала, говорю:

– Ну, на, пей нашу: текила с Нижнего Тагила.

А брала я водочку-то в специальном магазине. Он так и называется: “Русская рулетка”. У них там нормальный продукт и смертельный: один к одному. Но и дешевле в два раза, резон есть. Может попасться хороший продукт за полцены.

Совсем весело стало, когда Григорий пришел с баяном. Вообще-то он лауреат конкурса Чайковского по вилио... по вилион... по вилиол... по вилионол... по вили-он-ол-челли. Тьфу ты, ну скрипка стоячая. Насчет Чайковского не скажу, а то, что лауреат, подтверждаю. Он стакан водки с баяна берет зубами и выпивает. Без ущерба для полонеза Огиньского. Бабы от музыки – навзрыд, а Григорий заест грибочком и кричит:

– Помирать, так с музыкой!

Ну, разошлись все, когда все съели и все выпили. Я сказала:

– Утром всех жду, приходите, подлечу.

Ну, а на утро пришли... все!

Я говорю:

– Болеете?

– Б-б-б-олеем.

– Вот то-то же. Сегодня вся страна болеет. Ну и выпьем, за наше общее будущее здоровье.

Выпили. “Русской рулетки”. А кто назавтра придет – посмотрим.

Клава – наш президент!

Скажите, может у нас нормальный человек любить своего президента?.. А я могу. Клава – мой президент. У-у-у! Моя Клава – она даже не президент, она хуже президента. У нее на знамени на черном – герб: сковорода и скалка, крест–накрест. А внизу – моя голова. Знамя она вместо фартука носит: гербом наружу, мне в лицо!

И что обидно, президент она законный, снять ее я не могу. Если даже она будет издеваться надо мной каждый день, все равно я должен по закону терпеть ее четыре года. Потому что после нашей свадьбы у нас еще были выборы.

Демократические. Два кандидата: я и Клава. Два избирателя: Клава и я. И урна – одна штука. Я ее принес с улицы, окурки вытряхнул. Проголосовали: 50% за Клаву, 50% – за меня. Второй тур – то же самое. Что делать? Пришлось обратиться к нашей Думе. А Дума у нас из трех фракций: кот, собачка и попугай. Хотели медведя включить в Думу, но передумали. Он пока плюшевый, а уже такой подлый.

Обратились к фракции попугая. Клава с ним хорошо поработала. Он сказал: ”Однозначно! Клава – наш президент”.

Кота не могли разбудить. Обратились еще к независимой фракции. Она у нас числится, как объединение Груша. Ну, наша тетя Груша. Она сразу сказала, сами разбирайтесь, я – против всех, против – всегда и против – везде.

Осталась собачка. А она у нас, ну такая лайка. Причем, не просто лайка, а пусто лайка. В общем, спикер, то есть, сеттер.

Клава говорит, к чьему бюллетеню собачка подойдет, тот и президент. Я только потом понял, что свой бюллетень она чем-то подмазала. Заходит собачка. Бюллетени на полу. Она на мой даже не взглянула. Как рванула к Клавиному! И сожрала его на месте. И все! Клава вступила в должность. Пока я с открытым ртом стоял, Клава дала клятву честно служить народу. То есть мне. Клялась на голове этой собачки-подлючки.

Когда я в себя пришел, говорю, Клава, ты хоть тогда дай мне портфель... министра... обороны. Она говорит, хватит с тебя и министра самообороны.

– Ну тогда отдай хоть культуру, что ли, ядрена вошь.

Она говорит, забирай ее на хрен. Я сразу сказал, только ты меня профинансируй. Без денег культуру не поднять. Она говорит, а сколько?

– Ну, на пару пузырей надо.

Она дала, и я пошел. Понес культуру в массы.

А как пришел домой – не помню. Утром просыпаюсь, Клава смотрит на меня, как... президент. На министра культуры. А я все-таки уже второй день в большой политике, хитрый стал, говорю ей:

– Клава, а давай закажем, чтоб с тебя слепили статую. Статую Свободы.

Она молчит. Я дальше льстю:

– И поставим ее на видном месте... в нашем огороде.

Смотрю, она оттаивает. А я дальше жму. Уже по Дарвину. Кто настоящий мужчина? Тот, кто встает рано утром, из постели, снимает с себя костюм, ботинки и лезет к своей жене... И Клава простила мне культуру. Правда, из нее выгнала. Так и сказала, вон – из культуры! На телевидение!

Я сразу – пульт в руки и давай щелкать по программам. Сижу, руковожу телевидением. Все просто. Тут главное – кто пальчик на кнопке держит. Нужную кнопку нажал, а там мальчик, уже запрограммированный, говорит, что все честные люди – они воры. А все воры – они честные люди.

Поэтому вора из обвиняемых надо перевести в свидетели. И дальше – из свидетелей – в потерпевшие. Чтобы ему же и возместить материальный ущерб. То есть, если он украл полстраны, то ему надо срочно возместить ущерб и отдать вторую половину.

А Клава все сериал просит. Я говорю, Клава, ну ты же президент, вникай в большую политику. Она: нет, сериал. И отобрала у меня пульт – скинула с телевидения. Перевела в свои пресс-секретари. Соседка спрашивает по телефону, как себя чувствует ваша супруга? И я докладываю:

– С утра рукопожатие моей Клавы было крепкое. А удар сковородой по моей щеке был мягкий. Но мой профиль на той сковороде получился четкий. После этого здоровье Клавы улучшилось, и ее отвезли на «скорой» в резиденцию «Ямки-9». Лечиться и работать с документами. Из документов

она взяла с собой паспорт.

А здоровье у Клавы и правда пошатнулось. Потому что, как только она стала президентом, запила сильно.

А как протрезвеет, в отпуск норовит, то в Сочи, то в Карелию. Из отпуска приезжает выпивши. Думу гоняет по квартире. Кот орет от голода. Собачка Клаве вообще импичмент хотела устроить, за руку ее укусила. Но не до импичмента. Потому что попугай помешал, крикнул, гад: “Клава – наш президент!”

А тут как-то к подруге поехала в Долматово, правда, не самолетом, а поездом. Да тут 100 км. Но все равно проспала. В Шадринске только проснулась.

Я говорю, Клава, ты че-то как-то не того. Давай готовь себе преемника. Думаю, кроме меня – некому.

А Клава говорит, преемник уже готов. И тут звонок в дверь. Я открываю, а на пороге – теща. С вещами. Преемник. Фартук Клавин с гербом взяла, перед моим носом потрясла и на себя надела.

Утром говорю Клаве нежно, может, ты погорячилась с преемником, с отставкой? Клава говорит, а я в отставку не пойду. Просто я пойду на повышение. Теперь я не президент, а царь.

И вот я сейчас в большом раздумье, кого на выборах избирать. Или преемника Клавы – тещу? Или плюнуть на них обеих и пойти выбрать себе новую Клаву.

Яичко

Снесла курочка яичко, но не золотое, а простое. Поступило яичко в магазин, а там его взял да и купил Огородов без очереди. Он как раз на работу шел. Думает, съем яичко на зло жене, а на обед домой не пойду.

Работа у Огородова была не простая, а золотая, он эротический журнал выпускал, поэтому и любил яички. Приходит он на работу, а там его ждет коммерческое предложение: “Просим срочно явиться в Австралию для передачи опыта аборигенам. Они тоже хотят выпускать эротический журнал”.

Надо сказать, что аборигены в природе ходят вообще-то голые. Но одно дело – голая жизнь, а другое – голое искусство. Ну, хочется им посмотреть на себя со стороны. И Огородов был человеком отзывчивым и ответственным, он любил передавать свой сексуальный опыт другим народностям.

Прилетает Огородов в Австралию, его аборигены встречают, в лучшую гостиницу везут, с лучшей кенгурихой знакомят. А кенгуриха и впрямь необычная. Своя сумка у нее застегнута на замок-молнию, а детеныши из хозяйственной сумки выглядывают. Она сумку с детенышами в уголок поставила, легко так, как воробей, к Огородову подпрыгнула, руки на плечи ему положила и в глаза посмотрела томно. Потом хвостом в пол уперлась и задними ногами его за талию

обняла. Такая ласковая. И давай в морду его лизать. А потом взяла сумку с детенышами и ускакала в саванну.

Решил Огородов это дело яичком заесть. Только вынул его из кармана, как тут аборигены заходят в шалаш. Не надо, говорят, аппетит яичком портить, мы тебе самого лучшего крокодила на обед приготовили. Вносят они крокодила в шалаш, рулеткой его измерили, показывают: 6 метров 20 сантиметров в длину. Кушай на здоровье. И дают Огородову прибор на одну персону: таз, топор и вилы. А Огородов, честно говоря, уже проголодался и думает, откуда его жрать-то начинать? Решил с хвостика. Думает, отрублю сантиметров 20 от хвостика, и хватит мне на обед. Да и от крокодила ровно шесть метров останется. Размахнулся он топором, как хрястнет по хвостику, крокодил аж подпрыгнул от неожиданности. И проснулся. Топор, конечно, зазубрился и сломался, а хвостик ничего, погнулся только, вверх. Крокодил посмотрел на хвостик, так расстроился, аж слезу крокодилову пустил. Потом слезу смахнул лапкой, съел тазик, топор, вилы, для разминки. Последний глоток сделал и кинулся за Огородовым. Долго они бежали по шалашу. А аборигены стоят у шалаша и хохочут. Это шутка у них такая, усыпить крокодила, горчицей его помазать и гостю подать к столу. Но хоть аборигены и хохочут, а дело знают: фотоаппараты щелкают, камеры снимают. Для будущего эротического журнала. А крокодил уже всю одежду с Огородова содрал и гонит его по саванне.

Загнал крокодил Огородова Афанасия Григорьевича на дерево, а сам внизу когти об дерево точит. Решил, видимо, за добычей на дерево лезть. А дерево, если его измерить, аккуратно в высоту шесть метров двадцать сантиметров будет. Огородов на кроне лежит горизонтально, голый, не шевелится, вниз смотрит. А крокодил уже пополз по дереву. Ну, ясно, что конец хвоста от земли ему не оторвать, не кошка все-таки. Он хвостом в землю уперся и держится. Ровно шесть метров в высоту.

Хвостик-то загнут. Двадцати сантиметров до Огородова как раз не хватает.

Но! Огородов-то голый. И мужские принадлежности у него как раз на двадцать сантиметров и свешиваются вниз. И крокодил губами за объект уже касается нежно, но прихватить пока не может. А Огородов в этот момент с дуру кенгуриху вспомнил, и у него увеличение началось. А в этом деле каждый миллиметр важен, не только что сантиметр. Крокодил, конечно, обрадовался, объект сам к нему в рот лезет. Он пасть открыл и ждет. Но Огородов в последний момент перевернулся на спину. Крокодил только в воздух зубами щелкнул.

Аборигены внизу кричат, скачут, фотоаппаратами щелкают, ну, журнал же выходит лучше некуда.

А Огородов чуть успокоился, лежа на спине, думает, поживу на дереве пока, хрен с ним, позагораю. Не может же крокодил на хвосте долго стоять. Начал Афанасий Георги-

евич даже в небо смотреть, наслаждаться синевой. И вдруг видит, далеко так в небе точка приближается типа самолета. Подлетела ближе – птица. А птица смотрит, на дереве что-то похожее на гнездо лежит. И главное, кладка в гнезде уже сформирована, из двух яиц. Птица села на Огородова, тот не шевелится, крокодил-то настороже.

И, видимо, взыграло в птице материнское чувство. Решила она эти яйца выпарить. Гнездо она клювом поправила, пару веточек туда положила, лишний пух из гнезда выдернула и села на кладку. Парит.

Огородов хотел птицу из гнезда выгнать. Но шевелиться опасно, крона у дерева такая ненадежная. Тогда он подул на птицу: фу, фу. Птица посмотрела глазом и как тюкнет его в пуп! Больше Огородов не экспериментировал.

А дело – к ночи. Аборигены ушли пленки проявлять, монтаж делать. Крокодил не выдержал. Хвост устал. Спина от горчицы горит, жажда мучает. Пошел он на водоем с хвостом, как у скорпиона, вверх. Огородов осмелел и стал птицу руками отгонять, ногами елозить. Птица встревожилась, почва под гнездом ходуном ходит. И она решила, бог с ним, с самим гнездом, а кладку надо спасать. Вцепилась она когтями в кладку и давай взлетать. И что вы думаете? Взлетела. Здоровая птица. И понесла она кладку вместе с Огородовым в свое гнездо. А сама летит и думает, ну кто это орет под фюзеляжем, громче крокодила орет. Посмотрела, а там мужик какой-то вцепился ей в ноги. Чего ему возле кладки

надо? Повредить же может яйца. И она стала клевать его в голову, чтоб он отцепился. А он не отцепляется, только еще крепче орет...

В Сиднее возле аэропорта водоемчик такой есть утиный. На берегу охотники сидят у костра и вдруг смотрят, в вечернем небе птица человека несет. Один говорит, может, это дельтаплан? Второй говорит, тогда уж самолет, кричит так сильно. А третий взял ружье и птицу сбил.

Вышел Огородов на берег из озера вместе с птицей между ног. Она хоть и убитая, а не отпускается от кладки. Охотники как увидели, так все поняли, не первый случай. Помогли они Огородову на родину улететь.

Вернулся Огородов на родину, пришел на работу, хватать – по карманам, а яичка-то нет. В Австралии осталось. Жалко яичка.

Но не такой Огородов человек, чтобы оставлять свои вещи в чужих странах. Он как-то раз презерватив в Америке забыл. Было всего-то два. Один пригодился, а второй в тумбочке остался. И Огородов слетал за ним и домой привез. Жена, правда, ругалась, я ведь тебе два давала, где второй? “Ну, потерял”, – отвечал Огородов. А тут – яичко! Как ни крути, а в Австралию возвращаться надо.

Прилетает Огородов в Австралию, приезжает к аборигенам, а у тех праздник – презентация первого номера эротического журнала. В Президент-шалаше на сцене в лучах прожекторов стоят звезды номера: кенгуриха и крокодил с хво-

стом, как у дворняги. Видимо, он еще в одном аттракционе поучаствовал, и закрутили ему хвост окончательно в крендель. Крокодил – в наморднике, кенгуриха – без хозяйственной сумки, оставила детенышей где-то, может, у бабушки.

Огородов в щель шалаша наблюдает за действием, изучает обстановку.

На сцену вождь племени вышел, слово взял. Говорит:

– Господа аборигены и аборигенки! Сегодня у нас второй по значимости праздник. Первый был, когда Кука съели, а сегодня – второй. Мы впервые выпустили эротический журнал. Вот он, сигнальный номер!

Вождь показал всем первую страницу обложки. На ней Огородов вкладывает в пасть крокодила не голову, конечно, а сами знаете, что. На следующих страницах были представлены Огородов и кенгуриха, Огородов, бегущий по саванне, и так, несколько незначительных аборигенок. Хотя вождь сказал, что они – секс-символы племени.

Потом вождь добавил:

– Жаль, что суперзвезда номера Афанасий Георгиевич Огородов не присутствует на нашем празднике. Без него журнала бы не было.

И тут в шалаш вошел Огородов в белых штанах и белой рубашке. Что тут началось! А Огородов с достоинством вышел на сцену, чмокнул в щечку кенгуриху, она аж покраснела вся, потрепал по щеке крокодила, он хвостом повилял, но отодвинул его на всякий случай подальше. И сказал Огоро-

дов:

– Дорогие, не побоюсь этого слова, друзья! Ваша шутка обернулась шедевром эротического искусства. Но во время съемок я потерял в своем номере яичко.

Тут крокодил на дыбы встал и похлопал себя в грудь. Знает, стало быть, где яичко...

Стоит оно в красивом подсвечнике вместо свечи на рабочем столе Огородова. Конечно, оно стерилизовано, укреплено изнутри окаменевшей пеной. На яичке фотографии: кенгуриха, крокодил, Огородов, вождь племени и супер-секс-символ всех аборигенов Бурбульфия.

Каждый раз, когда жена Огородова рассматривает яичко, она показывает на Бурбульфию и спрашивает:

– А это что за обезьяна?

Огородов каждый раз спокойно отвечает:

– Это человек.

Жена долго изучает черты лица человека и спрашивает:

– Это мужик или баба?

– Это девушка, – мечтательно отвечает Огородов.

И каждый раз жена ставит подсвечник с яичком обратно на стол со словами: “Ничего себе – девушка”.

А журнал имел оглушительный успех во всем мире. Только очень больные люди не купили журнала. Телевидение, радио, пресса всего мира назвали журнал прорывом в эротическом искусстве. Говорят, Огородову за яичко предлагали миллион долларов. Он не продал.

Вот и стало яичко не простое, а золотое. Не зря говорят в народе, не человек красит яйца, а яйца украшают человека.

Принц и Ницше

Дневник Маши Ницше, ученицы 5 «б» класса.

Идет реформа дяди Гайдара и его команды. Гайдар шагает впереди, а я, мама, папа, бабушка, дедушка и сестренка – позади.

1. Сегодня мама сказала, что еды в доме осталось на 15 минут жизни. Уже прошло три минуты.

2. Недавно почему-то умер дедушка. Второй месяц копим деньги на похороны. Но похороны дорожают быстрее, чем мы копим. Комнату с дедушкой сдали коммерческой фирме. Они почему-то не захотели работать вместе с дедушкой и похоронили его.

3. Приехали родственники из Киргизии. Они беженцы, у них там совсем нечего есть. Мама сказала, будем голодать вместе, так даже веселее.

4. Старшая сестренка ходила искать работу, но не нашла. А только забеременела, сейчас нас будет еще больше.

5. Сегодня в доме радость. Мама наконец-то принесла зарплату за позапрошлый год – два мотка колючей проволоки. Папа унес их на Урал продать в каком-нибудь лагере.

6. Видела по телевизору сниккерсы и твиккерсы. Попросила маму купить. Мама сказала, все лучшее – детям, и отломала мне со стены последний, самый жирный кусок известки. Было очень вкусно. Теперь известка в доме кончилась, переходим на штукатурку.

7. Под нашими окнами упал самолет. Говорят, не хватило горючего. Пассажиры будут жить пока у нас. Хорошо, что их осталось только двое.

8. Всю неделю ждали спасателей. Пока их ждали, под окнами упал вертолет. Это прилетели спасатели.

9. По радио передали, что ожидается землетрясение. Но был пожар. И наводнение. Поэтому ничего не сгорело, а только все утонуло. И уж потом началось землетрясение. Было нисколечко не страшно, потому что мама предоставила политическое убежище иракским курдам. А они такие веселые. Все землетрясение пели песни и танцевали танцы. У них на родине такие землетрясения считаются просто плохой погодой.

10. Вчера вернулся с Урала папа. Он принес колючую проволоку обратно. Там ему сказали, что свою девать некуда. Мама решила попробовать сварить спагетти из колючей проволоки.

11. Потерялась бабушка. Мы все – с киргизами и курдами прочесали соседний парк, но бабушку не нашли. А когда вернулись, нашли от нее записку: “Ушла на панель. Ваша бабушка”. Вечером бабушка вернулась радостная с полной

сумкой гвоздей. Она сказала, что сделала бартер с плотниками. Мама сразу же сварила суп-лапшу из гвоздей. А на второе папа приготовил горошницу из дробы. Все получилось многоразового пользования.

12. И, наконец, самая радостная новость – у меня появился племянник. И еще. Я влюбилась в мальчика. Он приходил к своему папе – директору коммерческой фирмы, которая сидит в дедушкиной комнате. Его зовут Толик.

Дневник Толика Принца, ученика 6 «б» класса

1. Сегодня в семье скандал. Мы все: я, мама, папа, бабушка, сестра Марина, кот Мишка и песик Рада объелись икры, и нас всех стошнило. Просто давно уже не ели икры – целую неделю. А папа принес сразу два килограмма.

2. Сегодня в семье опять скандал. Мама ругала папу за то, что он купил ей дешевый костюм. Она видела точно такой же, но в два раза дороже. “Как я в таком дешевом буду ходить? Что я людям скажу?” – плакала она.

3. И сегодня в семье скандал. Мой друг Вовка попросил займы миллион, и я дал ему из бабушкиного комода. Мама, когда узнала, закричала:

– Ты бабушку обокрал!

А бабушка меня обняла и сказала:

– Подумаешь, обокрал. Должен же мальчик на ком-то тренироваться.

4. Сегодня в семье скандал. Мы все ехали на джипе на дачу, нас остановили гаишники, папа дунул в трубку, и она все показала. Они с мамой закодировались на дозу, но врач что-то перепутал. Во-первых, их организм понял так, что доза – не меньше бутылки. Больше можно. И во-вторых, что каждый день. Когда у папы трубка показала, мама сказала, тогда машину поведу я. Но и нее трубка показала. Тогда за руль

хотела сесть старшая сестра Марина, но и у нее трубка показала. Тогда дунул я – и у меня трубка показала. Гаишники из интереса хотели дать трубку коту Мишке, но он вцепился одному в нос. И его забрали за сопротивление милиции. Озверел с валерьянки. И только у нашей собачки Рады трубка не показала. Потому что она уже старенькая. Я не знаю, сколько ей лет, но она еще дышит. Папа что-то шепнул гаишникам, и они нас отпустили. Все законно, один член семьи трезвый – ехать можно.

5. Вчера у папы были американцы. Они просят продать патент на папино изобретение. Папа, когда ушел из института ракетостроения, целый год думал, что бы такое изобрести поглупее, чтобы покупали. И изобрел. Противогаз-глушитель для зада человека. С его помощью можно пукать где угодно, когда угодно и с кем угодно. И даже куда угодно. Хоть любимой девушке в ухо. Она все равно ничего не почувствует.

Папа записал американцев в очередь, потому что желающих много, и прибор должен пройти испытания.

6. Сегодня проходили стендовые испытания прибора и презентация одновременно. Была куча гостей, иностранцы и все конструкторское бюро, которым раньше руководил папа.

В испытаниях участвовали два бывших штангиста-тяжеловеса. Они покушали горошницы, и испытания начались.

Первым пукнул штангист в противогазе. Никто ничего не услышал и не почувствовал.

А вторым пукнул второй штангист, без противогаза. Ударной волной снесло всю приемную комиссию. Двоих контузило, одного оглушило, один отравился газами. В спортзале выбило окна. Гостей разметало по углам.

Бывшие папины сотрудники кричали "ура", качали папу на руках и просились к нему на работу.

Когда я вырасту, закончу институт, защищу докторскую, стану, как папа, академиком, я тоже буду изобретать такие приборы.

А пока я влюбился в девочку Машу. И чувствую, что мне очень трудно совмещать любовь и учебу.

Послесловие

К ЗАГСу подъезжает кортеж машин и автобусов. Из первого “мерседеса” выходят ослепительные молодые: Анатолий Принц и Мария Ницше. Из следующих “мерседесов” выходят их родители. Из первого автобуса выходят беженцы из Киргизии во фраках и декольтированных платьях. Из второго – мужчины в шортах и женщины в мини-юбках. Это иракские курды. Пассажиры с самолета и спасатели с вертолета выходят из третьего автобуса. За восемь лет ожидания следующих спасателей их заметно прибавилось...

– Горько! – эхом летает под сводами роскошного старинного ресторана...

Уголок капитализма

Не, что ни говори про “МММ”, а я выиграл. Заложил тещину квартиру вместе с тещей и выиграл. И купил квартиру в элитном доме.

Ну, мать честная – в соседях банкиры, генералы, бизнесмены. Все вселились и сказали:

– Вот и слава богу, вот и перешли к капитализму.

Конечно, на работе в цеху ребята на меня коситься стали. Однажды мастер говорит:

– Мужики, завод тонет, надо балласт скидывать, сокращаться надо. Все дружно на меня посмотрели. Я говорю, мужики, вы чо? При чем тут я? Я, что ли, плохой слесарь?

– Не, слесарь ты хороший, – говорит мастер, – но душком от тебя буржуазным вееет. Давай, сокращайся.

Взял я с завода свою приватизированную долю – верстак и две болванки... и сократился.

Верстак в кабинете своем поставил, кресло к нему подкупил итальянское, крутящее-сися. И каждый день к восьми утра иду из спальни на работу – в кабинет к верстаку. Стружку на него насыплю из мешочка – я с завода горсть родной стружки взял – и размышляю.

Раньше мы с Валентиной у тещи жили, в однокомнатной. Какая там мебель. Дай бог, чтоб самого куда на ночь поставили. А тут – красота, четыре комнаты, просторы, объемы.

Ладно, думаю, раз ребята меня в капиталисты вытолкали, буду жить и работать по-капиталистически. Тещу забрал к себе, ее квартиру сдал в аренду. Живу, к соседям присматриваюсь.

Раз приглашает нас к себе сосед Сергей, молодой парень, бананы из-за бугра тащит. Мы пришли, жена Сергея говорит: – Садитесь, пожалуйста, кровати кушайте.

Ну, это рачки такие, как саранча или стрекоза. Я первый раз их видел. Крыльев нет, ног нет, что там и жрать-то. Я взял одну и сразу хлоп – в рот. А жена Сергея говорит:

– Вы зря ее не почистили.

Да я, говорю, никогда их не чищу. Самое вкусное в них – это шкурка. А она продолжает:

– Вы, Василий, по какой части бизнесмен: по финансовой, по недвижимости или шоу-бизнес?

– Та шо вы, шо вы? Какой бизнес? Я, наверное, по недвижимости.

Она говорит, как интересно, расскажите.

Я говорю, вот в прошлом году у меня Валентина ногу сломала и три месяца в гипсе была. Так я ее звал русская недвижимость. Хотя она татарка, голубоглазая.

Короче, про бизнес отболтался, а вот коньяк они мне налили – влюбился я в него с первой рюмки. Выпили мы у них по бутылке на брата, и я думаю, ну, завтра все, хана, башка треснет. Утром проснулся, прислушиваюсь к ощущениям. Голова не болит, глаза открываются. И закрываются. А

мысли, как песни идут, аж рифмованные. С ума схожу, что ли? Разбудил Валентину. Обычно у нее с похмелья лицо такое гладкое, как зад. А тут лицо как лицо. Нос, глаза, все прощупывается. И она говорит:

– Вась, что с тобой? Уж больно ты свежий для похмелья. Уж не заболел ли?

И тут дошло до нас, что коньяк – беспохмельный.

Бросились мы в магазин коньяк этот покупать, не потому что голова, а так – для порядка, раз накануне приняли. Я на бумажку название русскими буквами у соседа списал, говорю продавцу, одну. А она отвечает, 100 долларов. Вот тут-то нас и хватануло похмелье. Оказывается, здоровье сто долларов стоит, один пузырь.

Бурду, конечно, пить мы уже не стали, стали копить на коньяк. Каждый день ходим трезвые, как последние банкиры. Собачку Кустика по двору выгуливаем чаще обычного. Обычно-то раз в неделю.

Но у Валентины на работе неприятности начались. Она в столовой поваром. И вот после тех креветок отшибло у нее вкус к мясу. Даже с работы домой его не несет. Подавай ей каждый день креветки. Исхудала. Осталось-то в ней килограммов сто. Подружки смеются, чо, говорят, Валентина, в манекенщицы пойдешь али в фотомодели, эротические.

Да еще бабки из соседних хрущевок оплевали ее всю. У нас сейчас двор железным забором огорожен. И вот бабки с утра идут к забору на дежурство. Берутся за прутья ручон-

ками и злобно глядят на чужую жизнь: на “мерседесы”, на женщин в шубах, на генералов в лампасах. И никого не пропустят. Генералов вообще куда подальше посылают, вплоть до Чечни.

А тут Валентина из подъезда вышла в драповом пальтишке. И они как начали в нее плевками плеваться, слюневыми. Да с разбегу, да в прыжке. Чтоб доплюнуть. И кричат:

– Ишь, прикидывается, шубу норкой внутрь надела.

Я тоже попался по неопытности. Кто-то из нашего дома джип купил. Ну, такой джипистый, что я подошел посмотреть. Я вообще не могу спокойно стоять, когда оно большое и джипистое. Я стою у забора, люблюсь. А за забором, оказывается, фронтовик в засаде лежал. Он там окопался, замаскировался и подстерегал клиентов из нашего дома, которые на джип, как на приманку, шли.

Я слышу, мне – щелк – по башке. Я оборачиваюсь – фронтовик за забором с клюшкой.

Я говорю:

– Ты чо, батя? Рехнулся?

А он говорит:

– Ты зачем на мои денежки джип купил?

– А когда это ты мне их давал?

– А я их и не давал. Ты сам у меня их отобрал.

– Дак они у тебя, что ли, были?

– Не было. А ты все равно отобрал.

И уж совсем была мне непонятна собачья ненависть. Нет,

псы-дворняги из соседних дворов к жильцам-человекам из нашего дома относились даже с почтением. А вот к собакам из нашего дома – со страшной звериной злобой. Только выходит такой холеный дог-бульдог из нашего двора, псы-дворняги стаями вокруг него вьются и норовят откусить от туловища какой-нибудь член. Только хозяин и спасал палкой или еще чем, лучше факелом. Потом уже все наши собаководы на факелы перешли. Вечером смотришь в окно на собачий парк – факельное шествие. Потому что наши договорились собак выгуливать всем вместе, чтоб легче отбиваться было.

А я еще такой феномен открыл – эти псы-дворняги даже своих женщин, ну, их сучек из нашего дома, не щадили. Раз выбегает из двора сучка течная, ну, красавица холеная. Да мимо такой, если б она женщиной была, ни один мужик не прошел бы. Как ее порода-то? В рот веер, вот – вротвейер. Или эрдельпердель? Нет, вротвейер. Кобели, здоровенные дворняги, ее окружили и вместо того, чтоб... они ее б... они ее б... Они ее кусать начали.

Вот как! Идеология у них выше любви поставлена. Они прямо, как Молотов в молодости – свою жену Сталину в тюрьму сдать могут. Такое вот у них большое и доброе собачье сердце.

Короче, злоба и ненависть окружили наш дом. И с первого числа по дому было объявлено осадное положение. Каждый день в семь утра из подъездов сначала выходили саперы. Они разминировали машины во дворе и обезвреживали

в лесу за городом. Потом выходили жильцы. Каждый мужчина нес комплект колес от своей машины. Проткнутые колеса снимались, накаченные ставились. Женщины выносили рули. Когда машины укомплектовывались – всем двором выезжали на работу.

Отдых после работы начинался с процесса выкупа заложников: бабушек, дедушек, кошек, собак, захваченных в рабочее время. Такса была четкая: за бабушку – две бутылки пива, за дедушку – бутылка водки. За тещу – коньяк. Они мне дали. В придачу.

После этого весь дом ложился спать по законам военного времени: тридцать процентов спит, тридцать – бодрствует, а тридцать – стоят в дозоре. Ну, то есть я сплю, жена смотрит телевизор, а теща стоит с топором у двери. Потом меняемся, если я проснусь. Но я еще пока не просыпался.

Вы спросите, а где еще десять процентов? А нету их. По законам военного времени, по уставу, процентов остается только девяносто. По уставу. Зато прямой угол – сто градусов.

Как-то ночью Валентина меня будит и говорит, Вася!

Я вскочил, шашку наголо со стенки:

– Что, Валя?

Она шепчет:

– Может, перейдем к своим? К маме опять переедем, ты на завод пойдешь.

Я шашку повесил, спрашиваю:

– А как же коньяк, а шампанское с креветками? Бросим, что ли?

– Да ну их к лешему. Водка, она ведь тоже хорошая бывает.

– Мне не попадалась. Ладно, давай после Нового года. А сейчас спи.

А Новый год наш дом справлял по-особому. Во дворе свою личную домовую елку поставили и сказали: “В час ночи все могут спуститься во двор на шутки, игрища, розыгрыши и аттракционы. В своем кругу, в час ночи”.

Штурм дома начался в час пятнадцать. Все жильцы были в состоянии хоровода. На словах “порою волк, сердитый волк...” раздался взрыв под джипистым джипом, и на дворовые ворота полезли люди с кольями.

Вот тут-то наши генералы и пригодились. Ну, то есть штурм был проигран начисто. А генералы после взрыва оказались под елкой. Оно и понятно, в элитном доме генерал еще может жить, но воевать ему тяжело. Не для того же он в армию шел.

Мы стояли вокруг елки в плотном кольце нападающих. Акцию возглавлял тот фронтовик, который меня своей клюшкой щелкнул. Начал он красиво:

– Человек, шампанского!

И посмотрел на генерала под елкой. Генерал быстро превратился из генерала в человека и подал фронтовику стакан. Дед выпил, крякнул и сказал:

– А сейчас водки. Запить.

Запив, продолжил с крыши джипа, прижав кепку к груди:

– Значит так. Ваши квартиры конфискованы и передаются трудовому народу. То есть нам. А мы вам, так и быть, отдаем наши. Со всем имуществом и клопами.

Первого января проснулись мы с Валентиной у тещи. Башка трещит. Нарезались ночью с горя. С азербайджанцами, тещиными жильцами. Закусывали анашой, курили какую-то дурь.

Вот, думаю, ядрена-ть. Надо было жить у тещи, когда выиграл. Деньги – в валюту, валюту – в чулок, чулок заварить в болванку, самому готовиться к штурму. И въехал бы сейчас в свою квартиру бесплатно. Я видел, все ребята из бригады в штурме участвовали.

Сейчас в моей, наверное, мастер спит. И коньяк мой за батареей, конечно, нашел, скотина. Жалко, месяц копил на него. Думал, в Новый год... эх!

Вот такая ротация вышла, язвы ее. Поторопился я, бляха-муха. Вот и рокинулся обратно: из князи да в грязи.

Огляделся я, смотрю, азербайджанцы спят-хохочут с анаши, а Валюхи и тещи нигде нет.

Бросился я к нашему дому и увидел такую картину. Все бывшие жильцы стоят вокруг забора, ручонками схватились за прутья и зло смотрят, как из подъездов выходят новые жильцы. Я тоже встал, смотрю, мастер наш выходит. Лицо свежее, чистое. Значит, точно, коньяк нашел.

Полено заколдованное

Да кто мог знать, что оно заколдованное? Обычное полено, правда, крученное от комля, но без сучков. Поставил я его перед собой на попа, пригляделся к нему и чувствую, идет от него какая-то аура непонятная. Ну, размахнулся я топором мощно, и так поясницу заклинило. Прострелило по позвоночнику снизу вверх и молнией из глаз вылетело. А я с топором над головой стою, как окаменел. Ни рукой, ни ногой. Потом ноги вроде отпустило, и я в дом пошел на цыпочках с топором над головой. Захожу. Зинаида меня увидела и как закричит:

– Федор, не надо! Не виноватая я! Это Валентина меня подставила, скотина такая.

Я ей говорю шепотом:

– Зина, возьми у меня топор из рук.

Она замолчала настороженно:

– Возьми топор, – шепчу я, – не могу руки опустить.

Топор она взяла и засуетилась:

– Может, тебе рюмочку выпить от боли?

– Как я ее выпью? Стою, как фриц под Сталинградом. Что я, подпрыгивать буду? Или струйку сверху лить?

Попоила она меня из стакана – боль прошла, но руки не опустились. Даже после бутылки. На каждую руку.

Утром проснулся я распластанный на диване с кирпичом

на спине. Зинаида мне спину грела, да видать переборщила спьяну, всю шкуру сожгла. Я поворчал на нее:

– Ну ты, рэкетирша, палачиха, за что пытала раскаленным кирпичом?

– Ты сам говорил, что хорошо тебе.

Встал я с поднятыми руками, ну беда – ни умыться, ни опохмелиться. И тут до меня дошло, что я на двор хочу. Я аж побледнел от этой мысли – а как? Вот тут надо сказать, у нас в соседях живет брат Зинаиды – Иван. Парень он с юмором. Но больше – с похмелья. Вот и теперь он, как нельзя кстати, влетел в дом с двустволкой и заорал:

– Руки вверх!

Но когда увидел, что уже стою с поднятыми руками и весь бледный, он опешил, и палец на спусковом крючке у него дрогнул. Выстрел был такой неожиданный и оглушительный, что внутри у меня что-то екнуло, и руки резко опустились вниз, чтоб закрыться. Ну, как футболисты во время штрафного в стенке. Понял я, что в туалет уже бежать можно, и дернул на улицу. Возвращаюсь немного радостный, все-таки одну проблему решил. Но возникла другая – руки в нижнем положении зафиксировались.

Иван пришел в себя после выстрела и говорит:

– Зина, чего это он у тебя такой стеснительный стал, прикрывается, как Афродита. Пнуть, ей богу, хочется.

Зинаида выпроваживать стала брата:

– Иди, Иван, отсюда, все равно не дам опохмелиться. А

Федор болеет. У нег прострел в спине.

– Чо он тогда не за спину держится?

– Иди, иди, – вытолкала брата Зинаида.

Упал я на кровать в состоянии футболиста-защитника и думаю:

– Что ж это за полено такое?

Утром пошел я во двор, подошел к полену – стоит, как вчера, никуда не сбежало. Сел на него, посидел. Слышу, такое тепло из него в меня пошло, и руки сами по себе разжались и задвигались.

Ах ты, думаю, в чем это она не виновата? Вхожу в дом и сразу спрашиваю:

– В чем это ты не виновата?

– Да понимаешь, мужик у Валентины выписал журнал эротический. Тайком от нее. И я ходила к Вале его смотреть. Тайком от него.

– Ну?

– Ну и все.

– Ну и что тут такого?

– Да ведь так я такого насмотрелась, думала, ты меня убьешь из ревности.

– Ну что там, лучше, что ли, чем я?

– Не, ты еще лучше.

– Ну и все. Чего еще?

Подошел я к полену и думаю: или со мной что-то не так, или с поленом. Замахнулся я на него колуном, оно – раз –

и набок. Вот ты неразбериха какая. Даже самому интересно стало. Поднял его, отступил назад, установил попрочнее, опять замахнулся, опять сорвалось. Я еще назад отступил. Ну, сейчас, думаю, кончу его. А пока назад отступал, вошел в зону действия бельевой веревки. Там Зина трусы свои сушит. А они тяжелые, и веревка провисла. И когда я размахнулся, веревку колуном и зацепил...

Очнулся я в больнице. Слышу, врачи меж собой разговаривают:

– Жить будет, но плохо.

Я встрепенулся весь:

– Как это плохо? Почему это плохо?

– Вы, молодой человек, когда выпишетесь, тогда узнаете.

Ну, узнал я потом. Не так уж страшно. Просто голова сдвинулась у меня влево сантиметров на тридцать. Зинаида взглянула, успокоила:

– Нормально, пройдет. Я в эротическом журнале и не такое видела.

Сели мы с ней за стол праздновать выписку. Взял я стопку, хлоп – и мимо правого уха вылил назад. Вот тут до меня и дошло, почему жить буду, но плохо. Зинаида в слезы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.